

18+ ПО ТУ СТОРОНУ
ВЫБОРА

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ВЫБРАЛИ ЖИЗНЬ

A woman with short, wavy brown hair and glasses is seen from behind, walking down a cobblestone street at night. She is wearing a dark, belted coat and has a brown leather messenger bag slung over her shoulder. The street is wet and reflects the warm, yellowish glow of streetlights on both sides. The buildings lining the street are dark, and the overall atmosphere is quiet and contemplative.

СОНЯ ТРАНА

Соня Трана
**По ту сторону выбора. Люди,
которые выбрали жизнь**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73310238

ISBN 9785006897267

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Это книга о пути, который невозможно проложить заранее и пройти по чужим шагам. Здесь собраны истории людей, оказавшихся в точке, где привычные ориентиры больше не работают. Когда прошлое остаётся позади, а будущее ещё не имеет формы. Когда иммиграция становится не перемещением, а внутренним состоянием – долгим, не всегда понятным. Каждый идёт своим путём. Кто-то на ощупь, кто-то с сомнением, кто-то с надеждой. Здесь нет правильных маршрутов. Есть только движение – шаг за шагом, день за днём.

Содержание

Глава первая. Pride	5
Глава вторая. Лера	12
Глава третья. Они	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

По ту сторону выбора Люди, которые выбрали жизнь

Соня Трана

© Соня Трана, 2026

ISBN 978-5-0068-9726-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Pride

1991 год

После армии он пошёл в школу стюардов. Не из мечты о форме и маршрутах – из желания увидеть мир, людей, жизнь. Самолёты казались не бегством, а выходом: возможностью быть в движении и не объяснять, почему ты не такой, как принято. Ленинград впустил его в свою серую, чопорную череду событий наравне с другими. Это был город с мужским именем. Общежитие, библиотеки, быстрые прогулки между непогодой и звонки домой стали его расписанием.

Аудитории были разделены тонкой стеной. В одной учили сервису – как улыбаться, как стоять, как быть удобным. В соседней сидели другие. Он не знал, кто они и чему учатся, но иногда ловил себя на зависти к их тишине. Его же учили быть открытым, когда внутри хотелось сжаться.

Армия дала многое и научила жить дальше. Ему повезло служить при штабе и сохранять себя – внутри себя. Друг был один. С Валеркой они подружились ещё в девятом классе. Валера был утончённым ценителем всего красивого. Им было интересно вдвоём. В Ленинград они решили ехать вместе: он – на лингвистический, Валера – на худграф. Валера поступил сразу и остался в Питере познавать жизнь. Он же провалился на собеседовании с резолюцией «неперспективен».

Дружба двух молодых людей вдали от дома в те августовские дни переросла в нечто большее. Всё вокруг было радостным: ленинградская коммуналка, комната Валеркиной бабушки, доставшаяся ему, и сам Валерка. Они чувствовали друг друга и наслаждались этим. Потом Валерка писал регулярно – обо всём и о том, как меняется мир. Написал и о том, что встретил того единственного, самого лучшего.

Мать поняла раньше, чем он решился что-то сказать. Она сказала, что не сможет этого принять. Без крика, без сцен. Спокойно – как закрывают дверь, за которой больше не предполагается разговор. После этого она стала осторожной, почти вежливой, словно он стал чем-то неправильным, с чем нужно обращаться аккуратно. Отец ничего не обсуждал. Он просто остался. Звонил по выходным, спрашивал, поел ли он, не холодно ли. Иногда эта любовь без защиты казалась тяжелее отвержения. Ненависть понятнее, чем принятие, которое не спасает.

2001 год. Ленинград

Он приехал из маленького северного города в стране, где таких, как он, могли забить до смерти на улице. Это не проносилось вслух – это просто знали. Он умел быть незаметным: не задерживать взгляд, не идти слишком близко, не позволять жестам быть лишними. Он стирал себя постепенно. Учёба шла ровно. Он был внимателен, собран, почти образцов. Сервис оказался языком, в котором не требовалось объяснять себя – достаточно было следовать алгоритму.

В рамках очередной программы Норвегия и Россия проводили совместные семинары. Никто не относился к этому как к событию. Просто обмен опытом, галочка в отчёте. В тот день дверь аудитории открылась иначе. Ховард вошёл спокойно, без спешки, будто уже знал, что его ждут. Высокий, светлый, с северной уверенностью, в которой не было давления. Он говорил просто – о работе, о пассажирах, о том, что самолёт начинается не с взлёта, а с отношения к людям. Он увидел его сразу. Не как мужчину. Не как иностранца. Как точку совпадения. Это было не похоже на влюблённость, о которой пишут. Скорее – на мгновенное узнавание: вот здесь жизнь может быть другой. Он запомнил голос – спокойный, ровный. Руки – уверенные, без резких движений. Улыбку – не свысока, а терпеливую. Он почти не слышал слов, но понял главное: рядом с этим человеком не нужно было сжиматься.

Небо уже было. Люди – тоже. Оставалась жизнь.

После семинара он подошёл первым. Говорил на аккуратном, выученном английском – с произношением как в фильмах того времени и академическими фразами от Марии Антоновны, которая говорила, что язык – это дисциплина. Он попросил рассказать больше о том, что в Осло считается важным в работе. Позже он узнает о Ховарде многое: о матери, уехавшей в Австралию выращивать редкую породу китайских медведей; о жизни в приёмной семье пастора с одиннадцатью детьми, где границы допустимого формировались

за большим столом с пищей – через разговор и принятие. Ховард предложил просто:

– Мы можем выпить кофе здесь, в буфете, и поболтать.

Ховард не всегда сразу понимал. Переспрашивал. Слушал не форму, а смысл. Улыбался не над ним, а вместе с ним. Это был новый опыт: когда тебя не исправляют, а пытаются понять. Он хотел показать Ховарду всё, из чего был сделан: Ахматову и Леонтьева, «Неуловимых мстителей» и «Белое солнце пустыни». Мир с лозунгом «Самое лучшее – советским людям», замкнутый на себе. Не хуже – просто другой. Ховард отвечал своим: Beatles – как начало разговора с миром. ABBA – без иронии, как честную радость. Nirvana – как крик, который не нужно переводить. И, конечно, Григ – как тишину между нотами и пространство, в котором можно дышать.

Им было интересно познавать друг друга. Без соревнования. Без необходимости доказывать ценность. Иногда они просто слушали вместе – молча.

В Скандинавии они поженились официально. После пяти лет статуса беженца и разрешения на браки. Без праздника: подписи, документы, несколько фотографий на фоне серого здания. Он запомнил не радость, а чувство легальности. Его жизнь больше не была ошибкой.

Валерий был рядом. Русский друг, бывший любовник, оставшийся другом. Он уехал в Осло по программе обмена и остался работать дизайнером интерьеров. Мать он перевёз

только сейчас – старенькую, с чемоданом, в котором было больше лекарств, чем вещей.

– Она сказала, что уже не боится. Бояться поздно, – рассказал он однажды.

Брак оказался не спасением, а новой реальностью. Благодарность со временем стала тяжёлой. Он всё ещё догонял себя, а Ховард уже жил дальше. Они говорили на одном языке, но с разной скоростью.

Развод был тяжёлым. Не из-за ненависти – из-за того, что всё ещё было важно. На Pride-парад он пришёл в первый раз после развода. Не за радостью, а за подтверждением пути. Он стоял чуть в стороне, у края, аккуратно держа флаг. Это был его первый Pride-парад. Вокруг смеялись, обнимались, кричали лозунги. Он понимал не всё – но понимал достаточно. Вечером он долго не мог снять браслет. А потом позвонил отец – спросил, холодно ли. Пришло сообщение от Валерия: фотография матери у окна. «Говорит, что здесь свет спокойный».

Он не знал, поздно ли всё это. Иногда казалось, что лучшие годы ушли на выживание. Иногда – что только сейчас началась жизнь, в которой не нужно прятаться. Он всё ещё боялся радоваться вслух. Но сегодня он был там. И с ним ничего не случилось.

Наше время. Осло

Он прилетел с похорон Ховарда неделю назад. Никому об этом не сказал. Не потому что скрывал – просто не знал,

в каком месте разговора это вообще уместно. Похороны были спокойными, скандинавскими. Там были его близкие – те, кто имел право на слёзы. В Скандинавии на похоронах не плачут вслух. Там вспоминают, говорят, едят обычную еду: мясную рубленую котлету на хлебе с жареным луком и горох, потом – десерт. Говорят чуть дольше, чем нужно, и уже больше о настоящем, чем о Ховарде.

Без лишних слов. Без попыток утешить. Люди подходили, кивали. Он стоял немного в стороне, слушал незнакомые голоса и ловил себя на том, что всё время смотрит на небо. Не из-за символов – просто по привычке. Там им всегда было проще. Ховард сильно похудел за последний год. Это было заметно сразу – ещё до слов. Болезнь забирала его медленно и вежливо, не требуя признаний. Они давно не были вместе, но расстояние не отменяет права на боль.

Он не плакал. Слёзы пришли позже – ночью, в гостинице, когда не нужно было держать лицо. Тогда он понял, что прощается не с человеком, а с той версией себя, которая когда-то стала возможной благодаря Ховарду. Теперь, идя к офису авиакомпании, он чувствовал эту потерю как внутреннюю тишину. Не пустоту – именно тишину. Как после объявления посадки, когда все уже знают, что делать, и не нужно больше слов. Тест сегодня был просто тестом. Но неделя после похорон делала его другим: каждое правило, каждое движение казались продолжением того, чему Ховард когда-то научил – быть внимательным к людям, даже когда мир требует скоро-

сти. Из пятнадцати студентов только двое были скандинавы. Он отметил это машинально и вдруг подумал, что Ховард бы улыбнулся. Сказал бы что-нибудь простое. Без пафоса. Про то, что небо одинаковое для всех. Он вошёл в здание, приложил пропуск, сделал шаг вперёд.

Жизнь не делала паузу – и, возможно, это было правильно. Он был здесь. И этого было достаточно.

Глава вторая. Лера

2001 год

Её звали Лера. Имя короткое, удобное – как будто заранее приспособленное к формулам и сноскам. В кандидатской она выводила модель языковых групп, искала закономерности и переходы, особенно – связь между немецким и датским. Её интересовали не слова сами по себе, а то, как языки узнают друг друга сквозь различия. Немецкий она знала свободно. Отец был немцем с Поволжья, и язык жил в доме спокойно, без акцента на происхождении, как часть быта. Не предмет гордости – инструмент мышления. Датский она начала изучать ещё в университете. Сначала из любопытства, потом – из упрямства. Ей нравилось, что он сопротивлялся: глотал звуки, ломал ожидания, не желал быть понятым сразу.

Это казалось честным. Она искала формулу не для того, чтобы упростить. А чтобы доказать: между разными системами всегда есть связь – просто она не лежит на поверхности. Её научный руководитель, профессор кафедры по прикладной математике Алия Абдуллоевна, любила повторять: – Математика – она вкусная!

Говорила с улыбкой, будто предлагала попробовать. И в этой фразе было всё: удовольствие от точности, радость,

когда мысль наконец встаёт на место, и разрешение заниматься сложным без оправданий. Завтра у Леры была встреча с коллегой из Копенгагена. Обычная рабочая встреча – таблицы, гипотезы, замечания. Ничего, что требовало бы волнения. И всё же внутри было странное предчувствие. Не ожидание и не страх – скорее смещение, как перед новым абзацем, когда ещё не знаешь, с какой строки начать.

Она всегда двигалась знанием. Пыталась понять язык как культуру, как результат детства, воспитания, отношений. Формулы упрямо вели дальше математики – туда, где начиналась жизнь..Потому что за звуками и правилами всегда стояло большее: детство, отношения, воспитание, способности молчать и способы говорить вслух. Из этого и рождался язык. И вместе с ним – понимание, которое нельзя было доказать, но можно было почувствовать.

Наше время

Лера проснулась раньше будильника. В доме было тихо – та редкая утренняя тишина, которая возможна только там, где ночью было много жизни. Она вышла замуж за коллегу из Копенгагена. Не сразу, без вспышек и громких решений. Их связь выросла из разговоров, совместной работы, привычки обсуждать сложное без давления. Язык оказался не только предметом исследования – он стал домом. У них родились три девочки.

Старшая – серьёзная, внимательная к деталям. Две младшие – с разницей в два года между собой, постоянно в дви-

жении, будто догоняли друг друга и весь мир сразу. Лера часто ловила себя на том, что считает не годы, а паузы. Между защитой и переездом. Между первой коляской и первой школой. Между усталостью и благодарностью. Она всё ещё занималась математикой. Не так сосредоточенно, как раньше, но глубже. Формулы больше не были бегством – они стали способом удерживать равновесие. Немецкий и датский давно перестали быть объектами спора: они существовали рядом, как соседи, которые научились слышать друг друга сквозь стены. Иногда она думала о той комнате у бывшей преподавательницы. О столе у окна. О тишине, в которой впервые стало ясно, что решение существует.

Девочки говорили на нескольких языках, не замечая границ. Смешивали слова, придумывали свои. Лера слушала их и понимала: язык всегда рождается из жизни, а не наоборот. Муж заглянул в кухню, улыбнулся, налил кофе. Ничего не спросил. Всё было понятно и так. Через окно было видно небо. То самое – без формул, но с точной логикой: каждый день продолжается, если ты в нём остаёшься.

Лера смотрела, как девочки спорят из-за тоста, как муж молча убирает со стола, не вмешиваясь, и поймала себя на мысли, которую давно не формулировала вслух. Семейное счастье тоже оказалось математикой. Только без теорем и публикаций. Система из компромиссов, пауз и повторяющихся действий, где результат нельзя зафиксировать раз и навсегда. Иногда ей было жаль. Не о выборе – о траекто-

рии, которая могла сложиться иначе. О формулах, оставшихся в черновиках. О карьере, которая не стала главной линией. Она знала: если бы пошла дальше в науку, сожаление было бы другим. Меньше шума – не меньше боли. Она посмотрела на девочек и подумала, что материнство не отменило математику – оно просто перевело её в другую систему координат. Менее точную. Более уязвимую. И всё же работающую. Без восторга. Без иллюзий. Но – живую.

А в один из тех дней в 2001 году она закрыла папку и задержалась в аудитории кафедры матанализа Ленинградского Государственного Университета чуть дольше, чем нужно. Завтра был всего лишь день, но у неё была важная для её исследований встреча. Но иногда именно так начинаются сдвиги – без объявлений и объяснений.

Неприятность случилась не как событие, а как вязкое состояние. Без начала и без ясного конца. Муж был пьян. Не впервые. Пьяный он становился громким, уверенным – будто всё ещё находился на футбольном поле и переговаривался с игроками. Она знала этот тон. Он предшествовал всему остальному. Это не было похоже на кино. Никакой внезапности. Никакого крика, который можно потом вспомнить. Только липкая реальность – вместе со школы, неоправданные ожидания. И ощущение, что все это происходит не с ней.

Его грубость не выглядела как насилие – скорее как сбой. Как если бы тело перестало слушаться. Она отмечала дета-

ли почти отстранённо: боль запаздывала, мысли шли отдельно, слова не находили выхода. Потом было молчание. Он уснул. Ей казалось странным, что мир не изменился. Формулы оставались формулами. Языки – языками. Завтрашняя встреча с коллегой из Копенгагена всё ещё существовала. Она подумала, что насилие – это тоже язык. Примитивный. Грубый. Но построенный из тех же вещей: детства, привычек, власти, молчания. И вдруг стало ясно: эту систему нельзя описать. Из неё можно только выйти. Он ударил так, как когда-то бил по мячу – сбоку, резко. Движение было слишком знакомым, отработанным до автоматизма. От этого стало особенно страшно: тело вспомнило то, что давно должно было остаться в прошлом. Она подумала, что насилие тоже умеет притворяться навыком. Что привычка, доведённая до уверенности, опаснее вспышки. И что некоторые роли не заканчиваются вместе с карьерой.

Лера тяжело поднялась. При падении она рассекла бровь – кровь шла неожиданно сильно, тепло, почти спокойно. Она прижала ладонь, не сразу понимая, больно ей или просто странно. Зеркала она избегала. Смотрела не на себя, а на следы: капли на полу, неровный отпечаток на рукаве. Отмечала это почти профессионально, как фиксируют погрешности – без эмоций, чтобы потом вернуться и разобраться. Голова была ясной. Слишком ясной. Она подумала, что язык тела тоже подчиняется правилам: сначала сигнал, потом реакция, потом пауза. И если пауза затягивается, система начинает

разрушаться. И впервые за долгое время она не стала искать объяснение. Только выход.

Бровь пришлось зашивать в травмпункте. Ничего сложного – несколько швов, холодный свет, запах антисептика. Врач говорил спокойно, будто речь шла о чём-то повседневном. Она кивала и думала о том, как странно быстро тело возвращается в режим задачи: потерпеть, дожидаться, закончить. Сосед по стечению обстоятельств возвращался с дачи. Увидел её у подъезда – с прижатой к лицу рукой, с сумкой, которую она держала слишком крепко. Он не задал ни одного вопроса. Просто сказал:

– Поехали.

В машине они молчали. Радио было выключено. За окном проезжали знакомые улицы, и от этого становилось особенно нереально – как будто ничего не произошло, как будто всё можно вернуть назад. В травмпункте он остался ждать. Потом отвёз её обратно. Помог донести сумку. Ей вдруг стало ясно, насколько важны бывают такие молчаливые жесты. Когда тебя видят – и не требуют объяснений. Когда помощь не превращается в допрос. Дома она не включила свет. Села, аккуратно положив сумку рядом. Завтра была встреча с коллегой из Копенгагена. И эта мысль впервые за весь вечер не пугала.

Они приехали домой уже затемно. Сосед помог донести сумку, поставил её у двери и задержался на секунду дольше, чем нужно. Потом сказал просто:

– Помоги себе сама. Найди решение.

Не жёстко. Не назидательно. Как говорят взрослому человеку, когда понимают, что дальше – не их шаг. Она кивнула. Он ушёл, не оборачиваясь. Дверь закрылась тихо. В квартире было всё то же – мебель, вещи, воздух. Только она больше не пыталась сделать вид, что это пространство безопасно по умолчанию. Фраза не звучала в голове эхом. Она легла ровно, как формула, которую больше не нужно доказывать.

«Помочь себе. Найти решение».

Лера сняла куртку, аккуратно повесила её на спинку стула, села и впервые за долгое время позволила себе не думать о том, как объяснить. Только о том, что делать. Через месяц она выходила из ЗАГСа совершенно свободной. В руках – свидетельство о разводе. Обычный лист бумаги, слишком лёгкий для всего, что ему предшествовало. Было неважно, что теперь она жила в съёмной комнате у своей бывшей преподавательницы. Комната была маленькой, с узким окном и письменным столом, который приходилось делить с книгами. Зато там было тихо. И никто не повышал голос. Она шла и чувствовала себя удивительно цельной. Не счастливой напоказ – открытой. Как будто тело и мысль наконец совпали. Жизнь не спрашивала, готова ли она. Она просто вывела решение. Формула, над которой она так долго работала, вдруг перестала быть только научной. Немецкий и датский сошлись не как системы, а как опыт: один – про память и корни, другой – про будущее и возможность говорить ина-

че. Между ними возникло пространство, в котором можно было жить.

Она поняла, что некоторые задачи решаются только тогда, когда перестаёшь удерживать лишние переменные.

И тогда математика – действительно вкусная.

Впереди была новая жизнь с коллегой из Копенгагена.

Глава третья. Они

1991 год

Они родились в один день – с разницей в сорок пять минут. Мир ещё не успел привыкнуть к ним, а они уже делили время. Отца не стало ещё до их рождения. Грузовик. Короткая формулировка, в которой не помещается ни скорость, ни страх, ни пустота, оставшаяся после. Его имя в семье проносили редко – не из забвения, а из осторожности. Слишком больно было возвращать его в слова. У них был старший брат. Он навсегда остался старшим – не по возрасту, а по роли. Тот, кто рано научился молчать, смотреть вперёд и не задавать вопросов. Он понял раньше других: теперь он – часть опоры.

Мать поняла почти сразу. Не в роддоме, не в момент, когда осталась одна с тремя сыновьями, а позже – в тишине, где не было ни помощи, ни обещаний. Она поняла, что боли и лишений будет достаточно, но этого не хватит, чтобы сломать. Она не говорила громких слов. Не обещала счастья. Она просто решила: она вырастит всех троих. Выведет в люди. Любой ценой, которая не лишит их достоинства. Жизнь стала жёсткой и простой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.